

Сергѣй Булгаковъ. — НА ПИРУ БОГОВЪ. Современные діалоги. (Россійско-Болгарское Книгоиздательство, Софія).

Изданные недавно въ Софіи діалоги С. Булгакова написаны были авторомъ еще въ 1918 г. Не много времени прошло, какъ будто, но очень многое уже въ нихъ успѣло поблекнуть и устарѣть. Читаешь сейчасъ эти страницы, написанныя, повидимому, съ большимъ подъемомъ, съ горячимъ, искреннимъ чувствомъ, и кажется, будто просматриваешь «хорошія» статьи старыхъ газетъ и журналовъ.

Вопросы, волнующіе Булгакова, проблемы, которыя онъ пытается освѣтить, не потеряли, однако, своей остроты. Напротивъ, они еще болѣе, быть можетъ, обострились и поражаютъ насъ еще злѣе, ядовитѣе, сильнѣе раздражаютъ, настойчивѣе къ намъ подступаютъ и грозно требуютъ разрѣшенія. Темы автора остались современными и разсужденія его, какъ будто, своевременны. И все-же, воспринимаешь ихъ какъ-то извнѣ, со стороны, какъ нѣчто чуждое, какъ пройденный уже этапъ мысли, на который съ недоумѣніемъ оглядываешься. Перемѣнились, очевидно, мы сами за эти послѣдніе годы, и одинъ и тотъ-же фактъ воспринимается и разсматривается нами уже совершенно иначе, чѣмъ два, три года назадъ.

Эпиграфомъ къ своимъ діалогамъ С. Булгаковъ взялъ извѣстные стихи Тютчева:

Счастливы, кто посѣтилъ сей міръ
 Въ его минуты роковыя:
 Его призывали всеблагіе,
 Какъ собесѣдника на пиръ.
 Онъ ихъ высокихъ зрѣлицъ зритель,
 Онъ въ ихъ совѣтъ допущенъ быть,
 И заживо, какъ небожитель,
 Изъ чаши ихъ безсмертье пилъ.

Этимъ опредѣляется то, чѣмъ должны были быть діалоги С. Булгакова, то, что хотѣлъ въ нихъ онъ дать намъ, но чего тамъ вовсе и нѣтъ. Нѣтъ именно настроенія высокой созерцательности, мудрой прозорливости, отрѣшенной ясности. Авторъ, въ дѣйствительности — не зритель вовсе «высокихъ зрѣлицъ»; на пиръ онъ не пошелъ, какъ «собесѣдникъ» всеблагихъ, и къ ихъ «совѣту» онъ не былъ допущенъ, и изъ чаши ихъ безсмертья не пилъ. Персонажи его, подобно всѣмъ намъ — лишь дѣйствующія лица, актеры сами въ той сложной трагикомедіи, которой, быть можетъ, и развлекаются «небожители», но которая больно поражаетъ того, кто принимаетъ въ ней то или другое участіе. Надъ своей частной

ролю авторъ, несмотря на усилія свои — не поднялся и цѣлаго, конечно, не съумѣлъ разглядѣть и охватить. Безсильны и всѣ мы это сдѣлать по отношенію къ своему настоящему; но, обращенный въ прошлое, нашъ взглядъ уже проясняется. Въ этомъ — преимущество читателя надъ авторомъ, губительное для послѣдняго.

Понимаемъ мы, быть можетъ, столь-же мало, какъ и прежде, но свое непониманіе, мы, по крайней мѣрѣ, сознаемъ и пытаемся воздержаться отъ тѣхъ стремительныхъ сужденій, отъ тѣхъ поверхностныхъ обобщеній, къ которымъ вынуждала насъ необходимость принять рѣшеніе, судить и дѣйствовать. Лишь разсматривая событія издалека, мы можемъ надѣяться обратиться изъ мимовъ и актеровъ, развлекающихъ боговъ, въ дѣйствительныхъ участниковъ божественнаго пира, мы можемъ любоваться и наслаждаться красотой и разнообразіемъ зрѣлища и постепенно, смутно начать догадываться объ общемъ планѣ и смыслѣ его.

Sub specie aeternitatis видѣть данное, настоящее — не дано почти никому. Не удивительно нисколько, поэтому, что въ рѣчахъ персонажей діалоговъ Булгакова, въ мысляхъ Дипломата, Генерала, Общественнаго Дѣятеля, Бѣженца, Писателя, Свѣтскаго Богослова мы не находимъ, на нашъ сейчасъ взглядъ, ничего особенно значительнаго, особенно глубокаго и остраго, чего, казалось, мы были вправѣ ожидать отъ такого бесспорно своеобразнаго мыслителя, какъ С. Булгаковъ. Но это все именно сужденія, теоріи человѣка, пораженнаго страшными, неожиданными событіями, принужденнаго, не откладывая, дѣйствовать, опредѣлить свое отношеніе къ разражающейся катастрофѣ. По всей вѣроятности, съ высоты «небожительскихъ троновъ» драма эта чрезвычайно занимательна, красива, но тому кто внизу и подхваченъ ураганомъ, приходится, чтобы не погибнуть, хвататься за наиболѣе привычныя, «домашнія», такъ сказать, но по существу наиболѣе ложныя, наименѣе подходящія мысли. Отсюда впечатлѣніе уже знакомаго, уже слышаннаго, которое вызываютъ въ насъ эти пять діалоговъ. Такъ именно мы говорили, такъ всѣ говорили вокругъ насъ. Этими-же рассужденіями о народѣ, звѣрѣ и богоносцѣ, объ арміи, объ интеллигенціи, о винѣ той или иной партіи, того или иного политическаго дѣятеля мы всѣ пытались спастись отъ своей растерянности, отъ полнаго непониманія.

Такихъ или въ этомъ родѣ дипломатовъ и генераловъ — мы слышали; хотя нужно сознаться, что реальные военные объ «Интелехіи» Аристофеля не вспоминали и вообще не обнаруживали такого знанія священныхъ текстовъ, какое показываетъ генераль Булгакова. Оказывается хорошо знакомымъ со Священнымъ Писаніемъ и булгаковскій дипломатъ, позитивистъ, скептикъ, западникъ и даже чуть-ли не кадетъ. Слышали мы и такихъ богослововъ, и такихъ писателей мистиковъ. Но рѣчи ихъ уже не

дѣйствуютъ; мы не хотимъ болѣе звонкими словами и удобными, готовыми формулами укрыться отъ дѣйствительности. Да и надобности такой острой въ этомъ уже болѣе нѣтъ. Хотя это и стоитъ еще большого усилія, но мы можемъ уже позволить себѣ роскошь тщательнаго обдумыванія, взвѣшиванія, сомнѣнія и созерпанія.

То и contra — далъ С. Булгаковъ подзаголовокъ своимъ діалогамъ. Настоящей борьбы противоположныхъ мнѣній здѣсь нѣтъ, однако, ибо слишкомъ неравны сопоставленные авторомъ силы. Представитель общественности, нѣчто вродѣ земскаго или городского дѣятеля, настолько растерялся, что его лепетъ можно просто скинуть со счета. Остается Дипломатъ — олицетвореніе реалистической политики, и группа религиозно-мистически настроенныхъ персонажей, на сторонѣ которыхъ, повидимому, всѣ симпатіи автора и разногласія которыхъ въ сущности касаются лишь второстепенныхъ вопросовъ. Нѣтъ носителей социалистической мысли, о которой много очень и отрицательно высказываются участники бесѣды, нѣтъ представителей и той интеллигенціи, которую они осуждаютъ, чтобы загѣмъ найти смягчающія ея вину обстоятельства и утвердить возможность ея возрожденія или точнѣе преображенія и спасенія въ спасенномъ народѣ. Ибо хочеть вѣрить С. Булгаковъ, что Россія жива, и кончаетъ онъ свою книгу торжественнымъ, свѣтлымъ аккордомъ:

«Писатель... — Загѣмъ маловѣрствуете? Жива наша Россія, и ходитъ по ней, какъ и древле, русскій Христосъ въ рабьемъ, поруганномъ видѣ, не имѣя зрака и доброты. Не тотъ, котораго Блокъ показалъ, не «снѣжный и надвьюжный», но свѣтлый вертоградаръ въ завѣтномъ питомникѣ своемъ, зоветъ Онъ тихимъ голосомъ: Марія! — и вотъ-вотъ услышитъ завѣтный зовъ русская душа и съ воплемъ безумной радости падеть къ ногамъ своего Раввунн... Кромѣ этой вѣры, кромѣ этой надежды, ничего у насъ болѣе нѣтъ. Но русская земля это знаетъ, и она спасетъ русскій народъ: по ней стопочки Богородицыны ступали»...

«Бѣженецъ — ...Бояться за Россію, въ послѣднемъ и единственно важномъ, окончательномъ смыслѣ намъ не слѣдуетъ, ибо Россія спасена — Богородициною силою. И объ этомъ, повѣрьте, твердо знаетъ вся православная Россія».

Одинъ лишь дипломатъ остается чуждъ этой религиозной вѣрѣ.

Одна черта поражаетъ во всѣхъ размышленіяхъ Булгакова и не только одного его, ибо въ извѣстномъ отношеніи онѣ, эти размышленія, чрезвычайно типичны и показательны: совершенное въ нихъ отсутствіе чувства личности, живой конкретной индивидуальности, отсутствіе заботы, мысли объ отдѣльномъ человѣкѣ, полное непониманіе цѣнности вотъ этого Ивана, Петра. Собесѣдники имѣютъ въ виду лишь Россію, народъ, интеллигенцію. Нація, страна — для нихъ есть все. Мысль, что личность чело-

вѣческая есть нѣчто болѣе, чѣмъ матеріаль, и даже больше, чѣмъ клѣточка въ организмѣ — имѣ вовсе даже не приходитъ въ голову. Личность для нихъ — объектъ воздѣйствія, средство; сама по себѣ она ихъ вовсе не интересуеть. Опириуя въ мышленіи своемъ лишь большими людскими массами, С. Булгаковъ не думаетъ о томъ, что, быть можетъ, онъ просмотрѣлъ и растерялъ самое цѣнное — индивидуальность, ея достоинство, ея права, ея свободу. Онъ не видитъ, что однимъ изъ главныхъ результатовъ европейской войны и ея русскаго плода — большевиизма — было поражение индивидуалистическихъ тенденцій, отбросившее насъ на нѣсколько вѣковъ назадъ: съ такимъ трудомъ завоеванныя и утвержденныя права личности — вновь теперь отняты. Вновь личность, закрѣпощенная, растворяется въ классѣ, въ городѣ, въ націи, въ государствѣ, въ церкви, и обращается этими «Левіаѳанами» въ простое орудіе достиженія собственныхъ какихъ-то цѣлей. Собесѣдники въ діалогахъ Булгакова не чувствуютъ, не видятъ проблемы личности, не понимаютъ трагической антиномичности ея въ современной культурѣ. Но, повторяю, взгляды, настроенія С. Булгакова въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерны и типичны: нашу военную и послѣ-военную эпоху можно было-бы опредѣлить, какъ сумерки индивидуальности, и, быть можетъ, здѣсь именно и кроется наибольшая опасность для европейской культуры.

Рабиндранатъ Тагоръ. — ДОМЪ И МІРЪ (La Maison et le Monde. — Rabindranath Tagore. Traduction française par E. Roger-Cornaz. Payot, Paris).

Появившійся только-что во французскомъ переводѣ послѣдній, большой романъ Рабиндранатъ Тагора — произведеніе совершенно-исключительное по значительности и силѣ мысли, по яркости и законченности художественныхъ образовъ. Передъ нами, безъ сомнѣнія, одно изъ наиболѣе крупныхъ и совершенныхъ созданій міровой литературы за два первыхъ десятилѣтія текущаго столѣтія.

До сихъ поръ мы знали, главнымъ образомъ, Рабиндранатъ Тагора, какъ религіознаго лирика. Но въ послѣднемъ своемъ романѣ онъ является передъ читателями, какъ эпикъ, какъ реалистъ и точный наблюдатель, оставаясь, однако, самимъ собою, тѣмъ-же поэтомъ мистикомъ, котораго мы знали и любили. Въ этомъ гармоничномъ сочетаніи тонкаго психологическаго анализа, глубокой созерцательности, спокойной, объективной повѣствован-